ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Манускрипт • Manuscript

ISSN 2949-3242 (online)
ISSN 2618-9690 (print)

2025. Том 18. Выпуск 4 | 2025. Volume 18. Issue 4
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): manuscript-journal.ru

RU

Общество ночлежных домов и Первый дом трудолюбия: сравнительный анализ деятельности первых комплексных проектов помощи бездомным в Санкт-Петербурге

Чапаев А. А.

Аннотация. Целью данного исследования является сравнительная характеристика двух важнейших столичных общественных организаций, занимавшихся комплексной помощью бездомным на рубеже XIX-XX вв., – Общества ночлежных домов в Санкт-Петербурге и Первого Дома трудолюбия в Санкт-Петербурге. В статье последовательно рассматриваются предпосылки к усугублению проблемы столичной бездомности и особенности деятельности благотворительных организаций, созданных доктором Н. Н. Дворяшиным, одним из первых филантропов, предпринявших попытку ее решения в пореформенный период. С соблюдением хронологического принципа исследованы особенности процессов регистрации данных общественных организаций, специфика реализации основных направлений деятельности, восприятие обществом и специалистами. Научная новизна работы заключается в том, что изучаемые организации и применяемые в их деятельности подходы впервые становятся предметом академического исследования, результатом чего является заключение, что данные организации реализовывали два новых подхода к работе с бездомными – «профилактический» и «трудовая помощь». С развитием отходничества и сопутствующих этому проблем и тот и другой подходы получили широкое распространение как в Петербурге, так и по всей Российской империи, а названные организации послужили своеобразными лабораториями, в которых эти подходы прошли свою апробацию.

EN

The Society of the Lodging Houses & The First House of Industry: comparative analysis of the first integrative projects of helping the homeless in St. Petersburg

A. A. Chapaev

Abstract. The purpose of this study is to compare two most important capital-based public organizations, which provided comprehensive assistance to the homeless at the turn of the 20th century: The Society of the Lodging Houses in St. Petersburg & The First House of Industry in St. Petersburg. The article examines the underlying causes of the growing problem of homelessness in the capital and the specific activities of the charitable organizations founded by the physician N. N. Dvoryashin, one of the first philanthropists who tried to resolve it in the post-reform period. Following a chronological approach, the study examines the registration processes, the specifics of the main activities of these public organizations, and their perceptions by society and specialists. The scientific novelty of this study lies in the fact that the organizations and their approaches are becoming the subject of academic research for the first time. The result is the conclusion that these organizations implemented two new approaches to working with the homeless: the preventive approach and labor assistance. With the development of seasonal work and the problems that accompanied it, the approaches became widespread both in St. Petersburg and throughout the Russian Empire, and these organizations served as laboratories of sorts in which these approaches were tested.

Введение

Одним из неожиданных итогов крестьянской реформы 1861 года стала невиданная прежде сезонная трудовая миграция, именовавшаяся отходом: крестьяне вынуждены были оставлять малую родину и отправляться в поисках заработка в более перспективные места, в основном в крупные города. Традиционная историография видит причины отхода в обезземеливании, когда большинство крестьян оказалось не в состоянии

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/mns20250209

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

прокормить свои семьи (Зайончковский, 1968). В последние годы данное утверждение подвергается аргументированной критике (Самойлов, 2020). Однако спор этот не отменяет самого масштаба явления, когда многие отходники не выдерживали испытаний большого города, в результате чего становились бездомными.

Будучи крупным промышленным городом, Санкт-Петербург являлся одним из главных центров притяжения отходников. Отход в столицу был столь массовым, что для некоторых уездов губернии бюджет крестьянского населения был полностью ориентирован на столичные заработки. Так, в конце XIX века почти 1/3 взрослого трудоспособного населения Петергофского уезда регулярно уходила в Петербург в поисках работы (Бахтиаров, 1994).

При этом съем квартиры в Петербурге мог обходиться рабочему до 33-35% от его заработка, что делало столицу Российской империи едва ли не самым дорогим европейским городом (Покровская, 1903). Вкупе с сезонным характером отхода, желанием максимально сэкономить, чуждыми горожанам бытовыми привычками, вынужденным снисходительным отношением к собственной гигиене, питанию, здоровью и качеству своих временных жилищ – все это делало отхожий промысел весьма рискованным, а среди обывателей формировало представление о «пришельце-рабочем» как о «другом» (Пироговская, 2018). Современники отмечали: *«Отхожий заработок проживается по городам и дорогам, по кабакам и трактирам, и нередко отхожий промышленник возвращается домой больной, спившийся и без денег в кармане»* (Труды Комиссии…, 1882, с. 226). Однако многие из отходников предпочитали позорному возвращению домой возможность затеряться в большом городе и осесть там «на дно», тем самым усугубляя старые и провоцируя новые городские проблемы: антисанитария и скученность становились причинами эпидемий, а малейшие бытовые неурядицы могли повлечь за собой серьезные последствия, нагружая и без того неидеальную социальную систему города.

При всех обстоятельствах представители и государственной власти, и городского самоуправления, и общественности считали бездомность «нарушением порядка», большим злом, с которым надо было бороться. Тем не менее в условиях изменившегося законодательства (Ульянова, 2005) и соответствуя реформаторскому духу времени, на смену репрессивным практикам наподобие работных домов (Лавринович, 2014) пришли более открытые институции двух типов – ночлежные дома и дома трудолюбия.

В столице Российской империи на рубеже XIX-XX вв., когда проблема масштабировалась кратно, важнейшими организациями помощи бездомным были Общество ночлежных домов в Санкт-Петербурге и Первый Дом трудолюбия в Санкт-Петербурге, которые до настоящего времени еще не попадали в фокус академических исследований.

Актуальность данной работы заключается не только в необходимости заполнить существующую лакуну в изучении деятельности двух благотворительных инициатив, но и в попытке сравнения предлагавшихся ими подходов помощи бездомным.

Для достижения обозначенной цели нужно решить следующие задачи:

- сравнить процессы регистрации и реализации уставных целей исследуемых организаций – Общества ночлежных домов в Санкт-Петербурге и Первого Дома трудолюбия в Санкт-Петербурге;
- проанализировать трудности, с которыми сталкивались организации в этом процессе;
- оценить восприятие деятельности организаций современниками.

Методологической основой исследования является сравнительно-исторический метод, позволяющий проанализировать сходство и различия подходов к помощи бездомным, реализуемых рассматриваемыми организациями.

Теоретическую базу исследования представляют труды отечественных и зарубежных специалистов, посвященные изучению благотворительности и гражданского общества в Российской империи (Ульянова, 2005; Lindenmeyr, 1996; Брэдли, 2012; Туманова, 2009). Так, благотворительная сфера рассматривается не просто, как способ приложения усилий сердобольных граждан, а как важный элемент взаимодействия власти и широких слоев населения (Ульянова, 2005). В этом процессе власть часто уступала формировавшей социальный контекст общественности (Туманова, 2009), что компенсировалось усилением регулирования и контроля за их деятельностью (Lindenmeyr, 1996). Однако взаимодополняя и усиливая друг друга, они объединялись вокруг острейших социальных проблем, формируя активное гражданское общество (Брэдли, 2012).

Практическая значимость работы состоит во введении в научный оборот новой расширенной типологии подходов к помощи бездомным, позволяющей лучше понять процессы развития системной благотворительности в Российской империи. Материалы и заключения исследования могут быть использованы в дальнейшем изучении подходов к помощи бездомным, а также в качестве основы для учебных программ высшего образования и аспирантуры и специальных курсов по истории благотворительности и гражданского общества Российской империи.

Обсуждение и результаты

Существовавшая до середины XIX века сословно-иерархическая система общественных отношений постепенно уступала место новым гражданственным институциям, что проявлялось в неуклонном росте частных ассоциаций, собраний и обществ, преимущественно благотворительных (Ульянова, 2007). Объединяясь вокруг актуальных проблем в союзы, граждане российских городов брали на себя ответственность за улучшение собственной жизни и общего благополучия. Особого внимания заслуживает факт преобладания в этот период именно добровольных обществ и организаций: специалист по истории гражданского общества в Российской империи А. С. Туманова отмечает, что организованные по добровольному принципу общества выступали своего

рода *«антитезой старому патриархальному укладу с характерными для него иерархическими корпоративными институтами, основанными на принципе принудительного участия»* (2009, с. 386). При этом, несмотря на то, что многие организации пореформенного периода появлялись на фоне отсутствия государственных аналогов, некоторые специалисты рассматривают их не как угрозу властному дискурсу, а как его сподвижников (Брэдли, 2012).

Одной из таких актуальных проблем во второй половине XIX века стала городская бездомность, вызывавшая серьезную обеспокоенность широких слоев общества в крупнейших городах империи. Сложность в ее решении заключалась в том, что бездомность пореформенного периода отличалась от «привычной», известной в городах в самом негативном своем изводе, – с попрошайничеством, алкоголизмом, воровством, проституцией. «Новая» бездомность формировалась в большинстве своем за счет оказавшихся в городе крестьян-отходников: вслед за ростом отходничества стремительно росло и число тех, кому не повезло в поисках заработка и лучшей доли в большом городе. Это подтверждали и современники: *«Огромное большинство тех, кто идет в ночлежные дома – крестьяне разных губерний, пришедшие в столицу на заработки и не нашедшие себе еще работы или работающие поденно»* (Бахтиаров, 1994, с. 205-206).

Вероятно, самым известным человеком, обратившемся к этой проблеме, был священник Иоанн Кронштадтский, развивший в 1882 году концепцию Дома трудолюбия (Краткие сведения о домах..., 1890). Однако он был не единственным. Другим ярким общественным деятелем был доктор Николай Николаевич Дворяшин: в 1883 году он основал Общество ночлежных домов в Санкт-Петербурге, а в 1886 подхватил идею о. Иоанна, открыв Первый дом трудолюбия в Санкт-Петербурге. Рассматриваемые в данном исследовании институции, хотя и были созданы одним человеком, предлагали решать проблему бездомности принципиально разными способами, что свидетельствует о том, что эти методы не исключали друг друга.

Впервые к теме бездомности Н. Н. Дворяшин обратился еще в 1869 году, когда, будучи студентом Императорской медико-хирургической академии, принимал участие в однодневной переписи жителей Санкт-Петербурга: как переписчику ему выпало работать в печально известной Вяземской лавре – центре притяжения городской бедноты. Ужаснувшись увиденной там антисанитарии, Н. Н. Дворяшин выступил в Центральном статистическом комитете с докладом на тему необходимости принятия профилактических мер, а именно с предложением создания благотворительной организации, которая бы обеспечивала нуждающихся доступным ночлегом, соответствующим требованиям гигиены. Однако это выступление не произвело должного впечатления на чиновников: идея Н. Н. Дворяшина не нашла широкой поддержки (Отчет о деятельности общества ночлежных домов в С-Петербурге за 1883, 1884).

К более последовательным и решительным действиям по регистрации Устава своего благотворительного общества Н. Н. Дворяшин приступил только весной 1881 года, уже в статусе военного врача. Несмотря на достижения эпохи Великих реформ в вопросах упрощения регистрации общественных объединений (Ульянова, 2005), процесс юридического оформления даже столь важного общества был сопряжен с рядом трудностей. Возможно, причины этого стоит искать в том, что замысел доктора на данном этапе имел весьма расплывчатые очертания и продолжал изменяться. Не менее вероятно и то, что проблема именно бездомности еще не была окончательно сформулирована доктором, а ее последствия не осознавались специалистами. Изначально, создаваемая под названием *Общества народной помощи*, его организация была ориентирована на крайне широкий спектр задач для *«улучшения быта нуждающихся крестьян путем повсеместного создания учреждений»*, которые бы способствовали профилактике распространения эпидемий, облегчению кредитования и «*улучшению быта переселенцев на окраинах империи»* (РГИА, ф. 1287, оп. 19, д. 177, л. 9-16).

Процесс регистрации первого Общества затянулся на 2 года, в течение которых проект претерпел значительную трансформацию, что можно наблюдать в нескольких черновых версиях Устава, а сам Н. Н. Дворяшин обзавелся значительной группой единомышленников и сочувствующих. Так, один из вариантов Устава, подававшийся в Министерство внутренних дел в 1882 году, имел название *Общества помощи Миром* и ставил своей целью *«дать во время приискания работы временный приют и облегчить заботы о сиротах, увечных и больных детях»* (РГИА, ф. 1287, оп. 19, д. 177, л. 53). Вероятно, на подобное смещение фокуса могли повлиять традиционные взгляды на благотворительность купечества, представители которого заметно выделялись среди соратников Н. Н. Дворяшина при подаче этой версии Устава.

Наконец, в 1883 году, с четвертой попытки, Устав был утвержден, причем название – Общество ночлежных домов в Санкт-Петербурге – было вписано красными чернилами министерского регистратора. Причины успеха на этот раз видятся в том, что автор проекта сузил границы планируемой деятельности до Санкт-Петербурга вместо всей империи и конкретизировал цель: *«дать, по возможности, каждому нуждающемуся, до приискания работы, временное убежище, соответствующее требованиям гигиены, за возможно-умеренную плату. Для достижения этой цели Общество устраивает в столице... ночлежные дома...»* (РГИА, ф. 1287, оп. 19, д. 177, л. 64-70).

Общество доктора Н. Н. Дворяшина открывало свои ночлежные дома в непосредственной близости к нуждающимся в них – рядом с фабриками и крупными городскими рынками: рабочие-поденщики могли теперь рассчитывать на более комфортные условия, нежели в частных ночлежках и на постоялых дворах. Предусмотрели Попечители и отдельное, *«изолированное совершенно»*, женское помещение. С учетом того, что существовавшие на тот момент частные ночлежки и постоялые дворы не располагали отдельными женскими комнатами, такое решение можно считать новаторским. Другим выгодным отличием от коммерческих ночлежек было предоставление посетителям бесплатной еды, за которую в частных приютах нужно было доплачивать отдельно. Все это делало ночлежные дома Общества весьма востребованными. Более того, около 12% посетителей получали приют совершенно бесплатно, за счет Общества (ЦГИА СПб, ф. 792, оп. 1, д. 4390, л. 1, 2).

Таким образом, практически с момента основания и вплоть до начала XX века исследуемое Общество являлось крупнейшей сетью ночлежных домов в столице: в 1895 году дома Общества обеспечивали около 43% от общего числа мест для столичных бездомных (Bater, 1976). Приюты Общества давали кров 907 бездомным одновременно, а за первые 10 лет работы там *«нашли себе приют 2 219 836 ночлежников»*, что в пересчете на количество мест показывает в среднем 92,99% заполняемость (Общество ночлежных домов…, 1894, с. 3-4). В последующие годы Правление Общества продолжало совершенствовать свою деятельность: улучшало доступность расположения домов, увеличивало количество мест, следило за качеством сервисов и усилением позиции в городе.

Не многим позже появления Общества ночлежных домов доктор Н. Н. Дворяшин запустил процесс создания еще одного благотворительного общества: осенью 1885 года произошло первое совещательное собрание членов-учредителей *Дома трудолюбия*. Заметим, что на нем прямо отмечалось, что учреждение будет устроено *«по образцу основанного* [общества] *протоиереем Иоанном Ильичом Сергиевым в Кронштадте»* (Собрание учредителей…, 1885). Вероятно, при подготовке к затяжному процессу по согласованию Устава учредителями была использована юридическая уловка: дабы не ожидать регистрации в Министерстве внутренних дел и сразу же приступить к активной деятельности, Н. Н. Дворяшин и его соратники заручились поддержкой и согласием Совета благотворительного общества при Спасо-Сенновской церкви *«руководствоваться Уставом означенного общества по примеру Кронштадтского дома трудолюбия, который действует на основании Устава приходского попечительства при Андреевском соборе»* (Собрание учредителей…, 1885). Следует добавить, что в подобном статусе кронштадтское заведение существовало с 12 октября 1882, т. е. уже 3 года (Дом трудолюбия в Кронштадте, 1883).

Однако на этот раз Министерство внутренних дел согласовало Устав с первой попытки: уже 8 февраля 1886 года Устав «Дома трудолюбия и при нем попечительного общества в Санкт-Петербурге» (1886) был утвержден. Вероятно, к этому времени доктор Н. Н. Дворяшин уже приобрел репутацию профессионала и его авторитет на ниве благотворительности позволил ускорить бюрократическую волокиту. Целью учреждаемой организации было заявлено *«предоставление нуждающимся лицам в столице производства в оном* [доме] *работ, с необходимыми для сего, в потребных случаях, материалами и инструментами и сбыт таких работ»* (Устав Дома трудолюбия…, 1886, с. 1).

Мастерские открылись в обставленных верстаками, инструментами и швейными машинками 27 комнатах дома князя Вяземского на Фонтанке, где с декабря 1883 года размещался Второй ночлежный приют Общества ночлежных домов, а с февраля 1885 года и Центральная лечебница для приходящих Санкт-Петербургской Врачебной общины (Открытие и освящение…, 1885). Учреждения эти уже имели достаточную известность, поэтому, очевидно, ожидалось, что часть их посетителей станут клиентами открывающегося Дома трудолюбия. Уже 15 апреля 1886 года Дом трудолюбия начал свою работу (Открытие Дома Трудолюбия, 1886).

Как и кронштадтский, Дом трудолюбия Н. Н. Дворяшина первоначально был ориентирован на простой труд, не требовавший специальной подготовки работников. По мнению основателя Дома, расщипывание канатов и мочал могло приносить им доход от 50 копеек в день (Собрание учредителей…, 1885). При этом площади дома князя Вяземского позволили расширить предложение трудолюбцам и открыть дополнительные мастерские – галошную, картузную и женскую (швейную), что должно было положительно отразиться и на доходах Дома. Но сказывался недостаток внешнего финансирования, и учреждение не смогло существовать на самоокупаемости. Из-за этого условия для трудолюбцев оказались весьма спартанскими и малопривлекательными: *«мужчины не получали никакой платы за работу, а только пищу и ночлежный билет, а женщинам платилось 15 копеек в день, но не давалось билета на ночлег»* (Гумберт, 1897, с. 16).

Одновременно в Доме трудолюбия могли быть задействованы 60 человек – 40 мужчин и 20 женщин, к которым добавлялись 3-5 девочек, безвозмездно обучавшихся кройке и шитью с последующим *«определением на место»* (Отчет правления…, 1891, с. 5). Однако большая текучка «кадров» – в среднем 200 человек в год – не позволяла добиться выпуска качественной продукции. Так, на 1 января 1892 года в Доме осталось всего 39 человек из 172, прошедших за год. Большинство, осмотревшись и набравшись опыта, *«поступали на места»* (уходили на более высокооплачиваемую работу). Часть определялась по состоянию здоровья в больницы и богадельни, часть возвращалась домой или уезжала к родственникам, женщины выходили замуж. Но были и те, кто *«уходил, не сказав, куда»*, и те, кого выгоняли за *«дурное поведение»*. Последняя категория доставляла столько хлопот Правлению, что, спустя 5 лет неудачных попыток, было принято решение *«уменьшить комплект мужчин до 10 человек, а с добровольным их уходом или исключением за проступки и совсем прекратить их прием, открыв… вместо дорого стоившей картузной, оказавшейся совсем бесполезной и для нравственного подъема в ней работавших, полезную во всех отношениях школу кройки и шитья для особ недостаточного состояния…»* (Отчет правления…, 1892, с. 8).

Как итог, Дом трудолюбия был полностью переориентирован на другой формат помощи – обучение ремеслам менее испорченных жизнью в трущобах женщин, детей и подростков. В школе кройки и шитья им предстояло пройти полугодовую теоретическую подготовку, после чего перейти в модную и белошвейную мастерские для двухлетней практической стажировки. Обучение заканчивалось экзаменом на звание подмастерицы или мастерицы, который в первый год успешно выдержали 54 девушки (Отчет правления…, 1893).

Было бы ошибкой полагать, что понятная и необходимая городу деятельность Общества ночлежных домов (предоставление крова нуждающимся) не встречала трудностей в процессе своей реализации. Попытки Правления Общества получить у Городской управы землю под постройку своих ночлежных домов раз за разом оканчивались неудачей. Отказы следовали как на прошения в самом начале деятельности в 1883 году об *«уступке обществу части городской земли близ Борисоглебской церкви между Туляковской водокачальней и Александро-Невской лаврой… на Калашниковской пристани»* (ЦГИА СПб, Ф. 513, оп. 71, д. 265, л. 1, 4), так и на более развернутые

запросы от уже состоявшейся пятнадцатилетней организации в мае 1898 года: *«Ныне же безотлагательно построить барак… на 350 ночлежников (300 мужчин и 50 женщин), с необходимыми ночлежному призрению принадлежностями как то: большой столовой в 30 квадратных саженей, в которой можно было бы поставить образную и которая в то же время могла служить и для народных чтений и для собеседований, кухней, сушильней, курительной, помещением для служащих, умывальницкой, ретирадниками и т. д.,* [который] *необходимо построить в местности близ Московских триумфальных ворот, по Забалканскому проспекту, т. к. здесь, близ Обводного канала, боен, Варшавского вокзала, порта, и вследствие громадного движения в Петербург обозов со стороны Московского шоссе, происходит наибольшее скопление бесприютного люда»* (ЦГИА СПб, ф. 513, оп. 81, д. 252, л. 1, 2, 29).

Несмотря на то, что уже начиная со второго года работы Общество получало пособие из средств Городской управы в размере 2000 рублей в год, далеко не каждое прошение о поддержке удовлетворялось. Так, на просьбу о *«единовременном пособии на покрытие расходов по устройству 4 ночлежного дома и постоянной субсидии на его содержание»* (ЦГИА СПб, ф. 792, оп. 1, д. 4390, л. 2, 3) Общество получило отказ.

Однако описанные трудности Общества ночлежных домов оказались даже несопоставимы с тем, с чем столкнулся Дом трудолюбия. Решение открыть мастерские на Фонтанке, 79, по соседству с уже известными благотворительными организациями (Санкт-Петербургской Врачебной общиной и одним из приютов Общества ночлежных домов), быстро показало свою ошибочность. Всего через полгода после открытия Дома трудолюбия закрылся ночлежный приют Общества ночлежных домов (вернее, переехал в Демидов переулок, в дом купца Блохина), что сразу сказалось на посещаемости Дома трудолюбцами (ежедневно в ночлежке ночевало 185 человек) (Общество ночлежных домов…, 1894. с. 3).

В результате и без того нестабильная прибыль от мастерских едва покрывала стоимость аренды квартиры в доме князя Вяземского: согласно годовым отчетам, в 1888 году за квартиру на Фонтанке с дровами и освещением Правление Дома трудолюбия заплатило 2129 рублей 23 копейки, тогда как 3 мастерские суммарно принесли 2352 рубля 60 копеек. При этом год заканчивали с убытком почти в 1000 рублей: общий приход за 1888 год составил 6096 рублей 91 копейку, а расход – 7037 рублей 42 копейки. Как следствие, Дом трудолюбия потянулся следом за Обществом ночлежных домов и в 1889 году снял новое помещение в том же доме купца Блохина, но со стороны Спасского переулка. Плата за квартиру вместе с переездом сократилась почти на треть и составила 1570 рублей 15 копеек (Отчет правления…, 1890).

Еще большей проблемой обернулось создание Попечительства о Домах трудолюбия и работных домах, оказавшегося под покровительством императрицы Александры Федоровны. Именно появление этого Попечительства, а затем и *«множества вновь открываемых “домов трудолюбия”, куда обращаются также со своими пожертвованиями сочувствующие идее лица»* (Отчет правления…, 1897, с. 3), привело к существенному падению пожертвований в Доме Н. Н. Дворяшина, что стало новым и неожиданным ударом. *«С 1895 года, когда Молодой Царице нашей угодно было обратить свое высокое внимание на тип этой благотворительности, все жертвы, естественным порядком, стали направляться в учрежденный Комитет Попечительства о Домах трудолюбия… и нашему Первому в столице Дому трудолюбия выпала трудная доля» (*Отчет правления…, 1898, с. 1), – так пессимистично было оценено Правлением важнейшее событие в деле имперской филантропии уходящего века спустя два года после основания указанного Комитета.

Надежды на то, что Попечительство примет под свое крыло Дом трудолюбия Н. Н. Дворяшина, не оправдались. Это потребовало от организации серьезного пересмотра стратегии собственного выживания, что, начиная с 1895 года, выразилось в заметных переменах в его публичной репрезентации. Во-первых, Правление стало подчеркивать свое первенство и изменило название: вместо безликого «Дома трудолюбия в С.-Петербурге» появился «*1-й Дом трудолюбия*». Новое наименование фиксировалось в годовых отчетах и в прессе и позволяло обособить организацию: *«первое Учреждение подобного типа не только по названию, а и по существу»* (Отчет правления…, 1896, с. 3). Во-вторых, оно превратило свои множественные недостатки в достоинства: *«умудренный горьким опытом»* (Отчет правления…, 1896, с. 3), Дом выжил и даже переступил порог собственного десятилетия. Наконец, Правление начало транслировать утверждение о своей экспертности: *«Первый дом трудолюбия… является достаточно компетентным указателем лучшей и целесообразной помощи нуждающемуся населению»* (Отчет правления…, 1896, с. 3).

Гласные Городской думы высоко оценивали деятельность Общества ночлежных домов в Санкт-Петербурге и подчеркивали его значимость, указывая, что *«в Петербурге ежедневно от 8 до 10 тысяч человек с 6 часов вечера не знают, где будут проводить ночь»*, при этом *«рабочий, ночевавший в ночлежном доме Общества ночлежных домов, выходит на другой день вполне бодрым, здоровым, сытым и трезвым. Он вполне пригодный рабочий»* (ЦГИА СПб, ф. 792, оп. 1, д. 4390, л. 1, 2). В итоге, как уже было отмечено выше, Общество ежегодно получало финансовую поддержку Городской думы.

Так как Городская управа не спешила создавать собственные учреждения помощи бездомным, конкурентами Общества ночлежных домов оставались лишь частные ночлежки, которые, в свою очередь, все чаще становились очагами распространения инфекционных заболеваний и местом, где укрывались беспаспортные. Такой контраст был весьма выгоден Обществу: отмечалось, что за годы своего существования *«ни разу в ночлежные дома не была призвана полиция и не было составлено ни одного полицейского протокола»* (ЦГИА СПб, ф. 792, оп. 1, д. 4390, л. 1, 2). Гласный Городской думы Н. А. Нечаев также заявлял в 1888 году, что *«находит деятельность Общества* [ночлежных домов] *в высшей степени полезной, что оно представляет собой почти единственное учреждение, имеющее целью рационально удовлетворить потребность рабочего населения Петербурга в здоровом*

месте для ночлега» (ЦГИА СПб, ф. 792, оп. 1, д. 5117, л. 4, 5). Таким образом, Общество «*значительно сокращает число посетителей городских больниц, а посетители выходят утром отдохнувшие, обогретые и накормленные»* (ЦГИА СПб, ф. 792, оп. 1, д. 5117, л. 4, 5). В то же время гласный указывал на то, что Общество *«ежедневно вынуждено закрывать свои двери, не пустив часто и половины нуждающихся, столь велика потребность в нем. Люди вынуждены искать ночлег на постоялых дворах, которые содержатся в столь безобразном виде, что служат источником всяких болезней и зараз»* (ЦГИА СПб, ф. 792, оп. 1, д. 5117, л. 4, 5).

Но эта похвала имела и другую сторону: пользуясь своим уникальным положением, Правление Общества позволяло себе своеобразную финансовую дисциплину. Нельзя утверждать, что Правление было нечистоплотно в этом отношении, но факт пренебрежения отчетностью перед Городской управой налицо: так, по состоянию на 5 октября 1888 года Общество не предоставило отчета о своей деятельности и средствах за 1887 год. Управа даже напоминала об этом Правлению, что, впрочем, не повлекло каких-либо последствий (ЦГИА СПб, ф. 792, оп. 1, д. 4390, л. 25). Как следствие, удовлетворенные тем, что учреждения Общества ночлежных домов содержатся *«в должном порядке»*, гласные долгие годы закрывали глаза на явный недостаток подобных приютов в столице и не предпринимали собственных попыток расширить данную сферу, ограничиваясь субсидированием деятельности Общества (ЦГИА СПб, ф. 792, оп. 1, д. 5888, л. 5).

Тем не менее Обществу ночлежных домов иногда удавалось подтолкнуть Управу к изменениям. Известен, как минимум, один пример, когда, обращаясь к Думе с ходатайством об отводе земли для постройки нового ночлежного дома, Общество, получив на это отказ, *«побудило Городское управление к постройке ночлежного дома на Никольской площади»* столицы (ЦГИА СПб, ф. 792, оп. 1, д. 7094, л. 4).

Деятельность Первого дома трудолюбия в широких кругах оценивалась неоднозначно, несмотря на растущую популярность «трудовой помощи» как одного из ведущих подходов в работе с бездомными. После вынужденного преобразования и закрытия мужских мастерских Дом трудолюбия подвергся серьезной критике. Непростое решение не только вызвало недовольство неравнодушных обывателей, но и стало причиной внутренних разногласий в среде членов организации. Так, некий *«бывший член Правления, господин Я.»*, находил *«исключение с 1892 года из Первого Дома трудолюбия мужчин нелегальным, противоречащим Уставу»* (Маленькая хроника, 1896). Дискуссия оказалась достоянием прессы: Правлению пришлось публично объяснять логику своих решений и оправдываться тем, что *«все испытанные меры наказания и поощрения не приводят к цели и что дальнейшее призрение мужчин, всеми средствами уклонявшихся от работы, было бы непроизводительной растратой скудных и нелегко собираемых средств Общества, решило сосредоточить свои работы исключительно нуждающимся женщинам»* (Маленькая хроника, 1896). Для учредителей Дома этот опыт стал крайне неудачным: надежды организаторов на создание семейной атмосферы, где бедные бы могли найти не только заработок, но и уважение, провалились, а трудолюбцы, в большинстве своем, оказались неспособными к работе ворами и пьяницами (Lindenmeyr, 1996).

Заключение

В сравнении с Обществом ночлежных домов Первый дом трудолюбия в Петербурге оказался во многом более экспериментальным и сложным в реализации проектом. Члены его Правления, ориентировавшиеся на успешную модель кронштадтского заведения, существовавшего в более «выигрышных» условиях, не учитывали важнейшего отличия Петербурга как крупнейшего промышленного центра: несмотря на высокую конкуренцию, в столице всегда оставалось огромное количество альтернативных заработков. В подобных обстоятельствах, а также не производя какие-либо уникальные товары, позволяющие обеспечивать «самоокупаемость» Дома, мог существовать только хорошо датируемый проект. Первый дом трудолюбия был лишен такой поддержки в должном объеме, что не позволило в полной мере реализовать оригинальный замысел.

Среди причин такой неудачи видится и громадная мировоззренческая пропасть между господами-учредителями Первого дома трудолюбия и их подопечными. Первые, находясь в плену собственных представлений о добродетели, нравственности и пользе, предлагали работникам труд, вознаграждаемый лишь бесплатной койкой в ночлежке и порцией еды. Да, большинство крестьян не имели достаточной квалификации, чтобы претендовать на сколько-нибудь оплачиваемое место, но в то же время они имели определенную мотивацию: заработать и вернуться в деревню. Это провоцировало их браться за любые работы, ошибаться, пробовать снова, что для многих крестьян с их традиционным укладом оказывалось непреодолимым испытанием. В обозначенной парадигме работы сложнее расщипки канатов требовали обучения, что представлялось для них долгим и бесперспективным занятием: мысль, что труд обученного специалиста стоит дороже, была неочевидна, а для безграмотного человека даже утопична. Кроме того, смирение, заложенное в концепцию Дома, предполагало покаяние крестьян за сам факт их принадлежности к *«подлому сословию»*, что в конце XIX века уже не было бесспорным утверждением. Именно поэтому фокус на *«религиозно-нравственных целях, могущих служить подъему духовных сил призреваемых»*, когда *«молитва должна быть главной отрадой и облегчением при таком их обездоленном положении»* (Отчет правления…, 1890, с. 21), оказался менее перспективным, нежели усиление просветительского начала и простое материальное вознаграждение трудолюбцев.

В то время как Общество ночлежных домов, снискав признание городских властей и обывателей, уверенно заняло авторитетную позицию в вопросах помощи бездомным и стало крупнейшим в столице, Первый дом трудолюбия столкнулся с серьезными организационными сложностями и был вынужден существенно скорректировать первоначальную концепцию, что даже спровоцировало бурную критику вчерашних сторонников. При этом обе организации оставались чрезвычайно востребованными.

Однако заслуга доктора Н. Н. Дворяшина и его сподвижников прежде всего видится в том, что они смогли уйти от понимания бездомности как сугубо полицейской проблемы. Тем самым они проложили путь для многих своих последователей и указали на возможность и необходимость работы с бездомными в новых обстоятельствах переходного периода. Формат работы Общества ночлежных домов – простой и понятный, при этом удовлетворяющий основным запросам своих клиентов, без чего их жизнь в большом городе была бы гораздо более трудной и рискованной. Свободный от дидактики и патернализма, этот подход можно назвать «профилактическим», т. к., имея поддержку Общества, его постояльцы оказывались в более устойчивом положении. Именно этот подход был масштабирован Городской исполнительной комиссией по благотворительности спустя более 25 лет с момента основания Общества: к 1909 году в ведении комиссии работало 11 Городских ночлежных домов общей вместимостью 2159 мест (ЦГИА СПб, ф. 761, оп. 1, д. 40, л. 64).

Подход Первого дома трудолюбия позднее назовут «трудовой помощью». Опираясь на опыт Кронштадтского дома трудолюбия, долгие годы буквально выживая благодаря финансовой поддержке о. Иоанна Сергиева (Краткие сведения…, 1890, с. 3), Правление Первого дома трудолюбия в Санкт-Петербурге попыталось повторить его в более конкурентной среде крупнейшего города империи, но, если рассматривать его в строгом соответствии изначальной идее помощи отходникам, потерпело неудачу. Тем не менее в числе продолжателей этого подхода, тех, кто, опираясь на опыт проб и ошибок доктора Н. Н. Дворяшина, попытался его развить и улучшить, можно выделить и теоретиков вроде о. Георгия Гапона (1902) с его проектом Рабочей колонии с домом труда (Гапон, 1902), и многочисленных практиков, действовавших под началом Попечительства императрицы Александры Фёдоровны и независимо (Отчет состоящего…, 1904; Отчет попечительного общества…, 1913; Отчет Попечительного общества…, [1903]-[1911]).

Перспективами исследования является дальнейшее изучение деятельности благотворительных обществ, помогавших бездомным: выявление их влияния на городское благополучие в самом широком диапазоне общественной жизни – от социального до санитарного.

Материалы исследования | Research materials

1. Бахтиаров А. А. Брюхо Петербурга. Очерки столичной жизни. СПб., 1994.
2. Гапон Г. К вопросу о мерах против босяцкого тунеядства и нищенства. СПб., 1902.
3. Гумберт К. Дома трудолюбия в России // Томские епархиальные ведомости. 1897. № 5.
4. Дом трудолюбия в Кронштадте. СПб., 1883.
5. Краткие сведения о домах трудолюбия вообще в России и в частности краткий исторический очерк основания и развития дома трудолюбия в С.-Петербурге. СПб., 1890.
6. Маленькая хроника // Новое время. 1896. 17 марта.
7. Общество ночлежных домов в С.-Петербурге. СПб., 1894.
8. Открытие Дома Трудолюбия // Петербургский листок. 1886. 16 апреля.
9. Открытие и освящение центральной лечебницы для приходящих // Петербургский листок. 1885. 21 февраля.
10. Отчет о деятельности общества ночлежных домов в С-Петербурге за 1883. СПб., 1884.
11. Отчет попечительного общества о 1-м ночлежно-работном доме для бесприютных детей и подростков мужского пола за 1912 год. СПб., 1913.
12. Отчет Попечительного общества о Первом ночлежно-работном доме для бесприютных детей и подростков женского пола в С.-Петербурге, с бюро устройства их на мастерство.... СПб., [1903]-[1911].
13. Отчет состоящего под Августейшим покровительством Ее Императорского Высочества великой княгини Ольги Александровны Общества Врачебная помощь призреваемым в приютах и домах трудолюбия, населению Сенной площади и дома Вяземского в С.-Петербурге за 1903 г. СПб., 1904.
14. Отчеты правления попечительного общества при С.-Петербургском Доме трудолюбия за 1889-1897 гг. СПб., 1890-1898.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 19. Д. 177. Л. 9-16, 53, 64-70. Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел. 1881 г. По проекту устава общества народной помощи в Петербурге.
16. Собрание учредителей «Дома-трудолюбия» // Петербургский листок. 1885. 16 ноября.
17. Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб., 1882. Вып. 8.
18. Устав Дома трудолюбия и при нем попечительного общества в С.-Петербурге. СПб., 1886.
19. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 513. Оп. 71. Д. 265. Л. 1, 4. По отношению Правления общества ночлежных домов об уступке участка земли для постройки дома.
20. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 81. Д. 252. Л. 1, 2, 29. По прошению Общества Ночлежных домов, об отводе участка городской земли по Забалканскому пр. на углу М. Митрофаниевской дороги для постройки ночлежного приюта.
21. ЦГИА СПб. Ф. 761. ОП. 1. Д. 40. Л. 64. Переписка Петроградской городской исполнительной комиссия по благотворительности.
22. ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 4390. Л. 1, 2, 25. По ходатайству Правления общества ночлежных домов в С.-Петербурге об оказании от города единовременного пособия на покрытие расходов по устройству IV-го ночлежного приюта на 300 человек и о назначении субсидии от города в размере 3000 рублей означенному приюту.

23. ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 5117. Л. 4, 5. По вопросу о продолжении выдачи пособия от города обществу ночлежных домов в сумме 2000 рублей в год.
24. ЦГИА СПб Ф. 792. Оп. 1. Д. 5888. Л. 5. По ходатайству председателя правления общества ночлежных домов в С.-Петербурге В. В. Комарова об оказании от города обществу ежегодного пособия на содержание 1-го ночлежного приюта или единовременного в 5000 рублей на приспособление помещения для того приюта.
25. ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 7094. Л. 4. По ходатайству общества ночлежных домов об отводе участка земли для постройки ночлежного дома на 330 ночлежников и об ассигновании в пособие обществу на самую постройку 8000 рублей единовременно и на содержание дома по 1000 рублей ежегодно.

Источники | References

1. Брэдли Дж. Общественные организации в царской России. Наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012.
2. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968.
3. Лавринович М. Б. «Благочиние» в действии: кто и как попадал в смирительный и работный дома Москвы в конце XVIII в. // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского / отв. ред. Е. Б. Смилянская. М., 2014.
4. Пироговская М. Миазмы, симптомы, улики: запахи между медициной и моралью в русской культуре второй половины XIX века. СПб., 2018.
5. Покровская М. И. По подвалам, чердакам и угловым квартирам Петербурга. СПб., 1903.
6. Самойлов Д. В. Геоинформационный анализ отхожих промыслов и локальных миграций крестьян Вологодского уезда в пореформенный период // Исторические исследования в контексте науки о данных: информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии: материалы международной конференции, Москва, 4-6 декабря 2020 г. М., 2020. https://doi.org/10.29003/m1825.978-5-317-06529-4/303-310
7. Туманова А. С. Общественные организации и их роль в формировании социально-культурной среды русского дореволюционного города // Культуры городов Российской империи на рубеже XIX-XX веков: материалы международного коллоквиума, Санкт-Петербург, 14-17 июня 2004 г. СПб., 2009.
8. Ульянова Г. Н. Благотворительная деятельность в Российской империи как реализация идеи «гражданской сферы» // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века / под ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г. Н. Ульяновой. М., 2007.
9. Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века. М., 2005.
10. Bater J. H. St Petersburg: Industrialization and Change. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1976.
11. Lindenmeyr A. Poverty Is Not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia. Princeton: Princeton University Press, 1996.

Информация об авторах | Author information

RU

Чапаев Андрей Александрович[1]
[1] Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

EN

Andrey Alexandrovich Chapaev[1]
[1] The Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

[1] *a.chapaev@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.10.2025; опубликовано online (published online): 11.11.2025.

Ключевые слова (keywords): история помощи бездомным; история благотворительности; трудовая помощь; гражданское общество; доктор Н. Н. Дворяшин; history of helping the homeless; history of charity; work relief; civil society; physician N. N. Dvoryashin.